Жажда

Автор:
Олег Панов

Жажда

Олег Игоревич Бондарев

Вадим Юрьевич Панов

Тайный Город #25

Ростов-на-Дону славится хлебом и традициями, южными красавицами и засушливым летом, а также опасными убийцами, чьи сомнительные подвиги любят смаковать на центральных телевизионных каналах. И кто бы мог подумать, что появление беспощадных убийц напрямую связано с тайной, которую вот уже несколько тысячелетий хранит Зеленый остров. С тайной, разгадать которую не могли даже обитатели Тайного Города. С тайной, которая грозит гибелью и Ростову, и всему миру…

Вадим Панов, Олег Бондарев

Жажда

© Панов В., Бондарев О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Ростов-на-Дону, наши дни

Оно…

Или она?

Или он?

Или странное «это»? Средний род, то есть – оно…

Оно грызло изнутри с таким остервенением, что хотелось разорвать грудь и выдернуть его – с кровью, жилами и мясом… С сердцем, а возможно – с душой… Вырвать из себя. Умереть, но избавиться от той дряни, которая…

…Человек тяжело вздохнул, упёрся рукой в стену и хмыкнул:

«Иногда быть с тобой невыносимо…»

С искусанных губ упала на пол капля крови. Не первая.

И не последняя.

Лоб мужчины блестел от пота. Состояние напоминало предынфарктное: головокружение, тошнота, удушье и нестерпимая боль в области сердца. Не было только страха смерти, который, говорят, в подобных случаях неизбежен. Наверное, потому, что где-то в глубине души мужчина хотел умереть.

«За что ты так со мной? Я ведь служу тебе верой и правдой…»

Он оттолкнулся от стены и несколько мгновений шатался, пытаясь поймать равновесие и позорно не упасть на пол. Не хотел веселить своей болезненной неуклюжестью того, кто сидел внутри. И у него получилось, несмотря на то что пол перед глазами ходил ходуном, словно корабельная палуба в шторм.

Получилось.

Он одержал маленькую, но победу.

«Какой же ты ненасытный!.. Совсем недавно получил своё и требуешь снова… Дай мне отдохнуть. Прошу тебя – дай…»

До дверного проёма четыре шага, не больше, и мужчина решил, что они должны стать его следующей победой. Пусть маленькой, но победой. Ещё одной. Он глубоко вздохнул, убедился, что равновесие никуда не пропало, и сделал неуверенный шаг, потом ещё один. Младенец ходит лучше и быстрее и шагает шире, но приходилось довольствоваться тем, что есть. Третий, четвёртый… – и вот мужчина вцепился скрюченными пальцами в дверной косяк и с облегчением вздохнул: получилось.

А в следующий миг накатывает новый приступ. Третий подряд, чтоб его! Третий!

«За что?!»

Он снова кусает губы и думает об одном – не закричать. Ведь если сбегутся соседи, будет плохо. Не ему – им. Потому что сейчас он совершенно точно не сможет удержать себя в руках при виде потенциальных жертв.

Волна схлынула. Мужчина мутным взглядом оглядел прихожую.

Обуться, накинуть куртку и выйти наружу? Отвратительная идея. День в разгаре, и кругом будут люди, живые люди… Улыбающиеся… Ругающиеся… Хмурые… Весёлые… Гомонящие… Молчащие… Полные чувств и крови… Там люди. И он не сможет удержаться. Однажды он уже пробовал разогнать волну приступа прогулкой, в результате набросился на первого же встречного, едва не попался и с тех пор зарёкся гулять, пребывая в столь паршивом состоянии.

Оставалась кухня…

Мужчина повернулся и медленно, шаг за шагом, держась за стену и почти не поднимая ноги, потащился к новой цели.

«Кажется, отпускает. Понятно, что не навсегда, лишь на время, но хоть какое-то облегчение…»

Доковыляв до кухни, он медленно уселся на табуретку, тяжело опёрся о стол, вытер пот со лба и сплёл пальцы рук перед собой. Он всё ещё не находил себе места, мысли его витали вокруг предстоящей охоты, и отвлечься не получалось.

Он знал, что не победит. Что его удел – достижения маленьких целей, но в главном он проиграет. Точнее – уступит.

Именно так – уступит.

Согласится сделать…

Отчаянная борьба за собственное сознание продлится лишь до той поры, пока он не отправится на охоту. Среди ночи, конечно же, потому что охотиться днём – глупо, небезопасно, обязательно приведёт к гибели, но… Но тому, кто внутри, этого не объяснишь. Он или оно требует сейчас, и именно в этом заключалась борьба мужчины: оно требовало сейчас, и приступы Жажды становились всё более частыми и сильными, а он умолял потерпеть, понимая опасность бездумных действий. Оно ругалось и мстило болью. Он терпел и страдал, понимая, что если попадётся, то отправится в тюрьму или на кладбище. Оно хотело крови и не понимало смысла слова «кладбище». Он не имел ничего против охоты, но…

«Ох!»

Новая волна оказалась чертовски жёсткой. Мужчина знал, что так будет, но не успел подготовиться и едва не упал с табуретки, в последний момент вцепившись в столешницу. Стол покачнулся, но удержал.

«Будь оно проклято!»

Жажда била наотмашь, и он знал, что рано или поздно перестанет пытаться контролировать её. Знал, что никогда не привыкнет к боли, зато ему надоест её терпеть. Знал, что в какой-то момент упоение охоты возьмёт верх над осторожностью, он пойдёт убивать, повинуясь первому, самому слабому позыву,

и обязательно допустит нелепую ошибку. Например, убьёт на глазах у десятка зевак. И тут уж никакой адвокат, пусть даже гениальный, не поможет.

Мужчина знал, что так будет.

Но пока держался.

И чтобы отвлечься, он выдвинул ящик кухонного стола и вперился взглядом в блестящие, очень острые ножи. Кухонные, но всё равно смертоносные. Средней длины. Из хорошей стали. Идеально чистые. Очень удобные.

Мужчина смотрел на них и улыбался.

Глава 1

Ростов-на-Дону, 1923 год

– Здесь он живёт, душегуб, – одними губами произнёс милиционер Петров. – Здесь.

Было их в отряде пятеро, но к передней двери пошли втроём, а оставшихся двоих к чёрному ходу отправили – вдруг мерзавец попробует сбежать?

– Точно здесь, Егор? – осведомился старший милиционер Комаров, бросив на подчинённого хмурый взгляд.

Петров кивнул, не задумываясь, поскольку узнавал лично.

Преступный элемент Яковенко Николай Иванович вместе с женой и единственным ребёнком заселился в этот дом, переехав из Риги. Бывший красноармеец, воевавший и с белыми, и с белополяками, он поначалу осел в Прибалтике, но вскоре перебрался на Дон и открыл в Ростове продуктовую лавку, занявшись выгодной коммерцией… И убийствами. По версии следствия, Яковенко заманивал к себе домой людей, якобы «для обсуждения оптовых

сделок», опаивал водкой и до смерти бил ножом. Затем лихач прятал труп в мешок, относил к реке и топил. Оттого и связать с Яковенко выловленных ниже по течению Дона покойников удалось не сразу. Кабы не случайный свидетель, видевший, как Николай Иванович тащит к воде очередной мешок, искали б душегуба долго.

– Входим на счёт «три», – шёпотом объявил Комаров.

Петров опять кивнул и потянул из кобуры «наган». Егор не был взволнован – на гражданской довелось нюхнуть пороху, – однако чувствовал себя не очень уверенно, поскольку не за обычным преступником пришли. А за зверем. По неподтверждённым данным, Яковенко отправил к праотцам не менее пятнадцати человек. И пусть жертвы в момент нападения были в стельку пьяны, сути дела это обстоятельство не меняло: Яковенко был беспощадным зверем и от него стоило ждать любого коварства. Да и жену его сбрасывать со счетов не стоило: она, мерзавка, наверняка знала о делишках мужа, но не донесла, позволяла убивать. Может, запугана была до невозможности, а может, и помогала…

– Раз! – начал отсчёт Комаров.

Третий милиционер, Фролов, шумно сглотнул: был парень ещё крайне молод, но уже заносчив сверх всякой меры. В войну Егор старался держаться от подобных типов подальше, потому что гибли самоуверенные куда чаще осторожных, но сейчас выбора не было, оставалось мириться с присутствием юного коллеги и надеяться, что у Фролова хватит ума не лезть на рожон.

– Два! – продолжил Комаров.

Тут уж и Петров напрягся и сейчас напоминал вставшую в стойку легавую: теперь достаточно одного слова хозяина, и бросится со всех ног вперёд, преследуя улепётывающую дичь до самого конца.

Комаров уже надувал щёки, чтобы воскликнуть «Три!», когда изнутри послышался звон стекла. Старший милиционер поперхнулся и, едва сдерживая кашель, уставился на Петрова, будто именно он был повинен в шуме.

Петров вытаращился в ответ.

И первым, как это ни странно, пришёл в себя именно «зелёный» Фролов: заорав благим матом, парень плечом ударил дверь, намереваясь, как и было задумано, ворваться в дом, однако та устояла. Фролов попятился, взял разгон, приложился сильнее, дверь не выдержала – распахнулась настежь, – и молодой милиционер буквально ввалился внутрь.

– В окно! В окно прыгнул, гад! – завопил опомнившийся Петров и, оттолкнув едва удержавшегося на ногах Фролова, бросился в гостиную.

Милиционер не ошибся: вбежав, увидел, что окно разбито, а ветхая рама с торчащими наружу осколками раскачивается взад-вперёд. В комнате резко пахло водкой: на полу валялась разбитая бутылка, вокруг которой споро расползалось вонючее пятно. За столом, не шевелясь, сидела полная темноволосая баба, видимо, супруга душегуба, а в углу стоял темноволосый мальчишка.

При появлении Петрова женщина широко распахнула глаза и заголосила:

– Товарищи милиционеры! Слава богу! Это всё он, он, окаянный, Колька! Сволочь, подлец, ненавижу…

– Молчи, дура! – рявкнул Комаров. – Где он?!

– Ненавижу…

Из кухни – там был устроен чёрный ход – появились милиционеры, недоуменные и обескураженные.

– Вы его спугнули? – накинулся на них Комаров. – Он вас увидел?

– Потом будем разбираться, кто кого спугнул! – Петров бросился к окну. – Потом!

Надо было торопиться, пока Яковенко не затерялся в вечерних сумерках.

К счастью, прыть душегуба сыграла с ним злую шутку: выбив окно, он порезался об острые осколки и теперь оставлял за собой кровавый след, отменно видимый

на белом рыхлом снегу. И ведь догадайся Яковенко распахнуть раму, а не переть напролом, не оцарапался бы и преспокойно скрылся в хитросплетениях ростовских улочек.

«Надо, надо догнать!» – думал Петров.

Он мчался, не жалея ни ног, ни сапог, будто от успеха погони зависела его жизнь. Но в тот день, увы, стать героем не свезло: свернув за угол, Егор обнаружил, что след обрывается прямо посреди заснеженной улицы. Он так и застыл перед последним кровавым пятном, и набравший ход Фролов едва не сбил его с ног.

– Ванька, ну! – возмутился Петров, зло сверкнув глазами.

Орал он скорее для острастки, крайне раздосадованный тем, что они столь бездарно упустили беглеца.

– Прости, Егор, – потупился Фролов.

– Да толку с извинений?! – раздражённо отмахнулся Петров. – Вона, душегуба упустили!

– Ну а что мы, Егор? Мы ж бежали, как могли…

– Ну да, бежали…

Яковенко, судя по всему, на чём-то уехал, иначе как можно объяснить, почему след обрывается посреди улицы? Скорее всего, случайного извозчика поймал, можно сказать – повезло. Куда уехал? Об этом следовало расспросить его благоверную.

Когда расстроенные милиционеры вернулись в дом, Комаров, нужно отдать ему должное, понял всё с одного взгляда и ругать подчинённых не стал. Поморщился, повернулся к женщине – она по-прежнему сидела за столом – и жёстко спросил:

– Куда твой муж побежал?

– Я… я… я не знаю ничего… клянусь вам, товарищи милиционеры, не знаю…

Она стала было креститься, но Комаров не позволил: с презрительной миной хлопнув её по руке, вновь потребовал выдать убежище супруга. Увы, новый ответ ничем от прежнего не отличался. Всё, что услышал старший милиционер, это заверения в собственной непогрешимости. Мол, «мы хоть и жили под одной крышей, но я и помыслить не могла…».

«Ну да, ну да, небось в задней комнате варежки вязала, покуда он очередного мужика кончал», – с отвращением подумал Егор.

Ему стало омерзительно глазеть на дурную, напуганную и полупьяную бабу, которая вертелась, словно уж на сковородке, и он отвернулся к пацанёнку. Мальчишка, как прежде, стоял в углу, ни жив ни мёртв. Был он темноволосый, худющий, сгорбленный и какой-то… нервный: то ручкой тонюсенькой дёрнет, то ножкой притопнет. Боится… Понятно, что боится. Петров вздохнул. А потом подумал, что Яковенко не очень-то сына стеснялся, убивал небось прямо на его глазах, зная, что отпрыск всё равно не выдаст, и от этого милиционеру стало ещё муторнее.

– Эй, – осторожно позвал паренька Петров.

Тот вздрогнул и робко оглянулся.

– Не бойся, – тихо сказал Егор. – Не обижу.

Он словно бродячего щенка из норы выманивал. До смерти напуганный бессердечными людишками зверёк не хотел покидать укромное логово и возвращаться в жестокий мир, но он, возможно, знал что-то нужное, поэтому милиционер продолжил.

– Кто тебя так? – взглядом указав на синяк под левым глазом, спросил Петров.

Мальчишка потупился.

– Скажи. Мне можно.

– Мамка, – шумно втянув воздух ноздрями, ответил паренёк.

Петров оглянулся на причитающую Яковенко, брезгливо поморщился.

«Ну и семейка…»

– Ты, главное, не бойся. Мы тебя в обиду не дадим. Как тебя звать, кстати?

– Остап.

– А меня Егор Михайлович.

Петров медленно протянул Яковенко-младшему руку, и тот с опаской её пожал. Ладошка у мальца была совсем холодная, даже ледяная.

– Скажи, Остап, куда твой батя делся?

Мальчишка отвёл взгляд, и Петров понял – знает. Или догадывается. Однако давить на него, как на мамашу, нельзя: паренёк только начал открываться и любое неосторожное слово способно его спугнуть.

– Не бойся, Остап, – ободряюще произнёс милиционер. – Я ж сказал: мы тебя в обиду не дадим.

– Батя тоже… тоже так говорил… – хрипло заметил мальчишка.

У Петрова ком к горлу подкатил. В тот миг он больше всего на свете хотел очутиться рядом с ненавистным душегубом Яковенко и пристрелить его, как бешеную собаку. Но говорить об этом Остапу не стал: сколько б тараканов ни водилось в голове Яковенко, был он для мальчишки прежде всего отцом, а следовательно, родным человеком.

– Скажи, где батя, Остап, – попросил Егор. – Он нам очень нужен.

– А вы его хотите… того? – Остап посмотрел на милиционера глазами, полными слёз. – Расстрелять?

– То не нам решать, а народному советскому суду, – ушёл от прямого ответа Петров. – Мы, Остап, просто ловим, кого скажут.

Мальчишка помолчал недолго, а потом сказал:

– У меня дядя в селе, матери брат. Может, батя к нему побёг?

– А что за село?

– Не знаю, – снова уткнулся в пол паренёк.

Петров задумчиво пожевал нижнюю губу, затем резко поднялся и, взъерошив Остапу волосы, сказал:

– Это меж нами, понял? Я вот никому не скажу, а ты?

Мальчишка охотно замотал головой и с опаской покосился в сторону матери: не смотрит ли? Но той явно было не до сына.

Петров улыбнулся Остапу уголками губ, оглянулся на Комарова с Яковенко, решил не мешать – пошёл вдоль стен, рассматривая редкие снимки. Вот душегуб с однополчанами на фоне ночного Ростова, где близ Зелёного острова во время гражданской расквартировали их взвод. Вот – с женой в Риге…

Ничего, что могло бы помочь в поиске сбежавшего лихача, на снимках не было, и Егор обратился к допотопному комоду, стоявшему в углу. В верхнем ящике на первый взгляд ничего интересного, так, тряпьё, но Петров всё равно поворошил его, нащупал что-то твёрдое, достал находку и присвистнул.

Это был нож, причём старинный, кованный вручную. Клинок довольно длинный, дюймов семь, покрыт полустёршимся узором. Рукоять костяная и не очень большая для столь мощного лезвия…

«Для женской руки», – неожиданно подумал Егор.

И приглядевшись, увидел, что на кости изображён танцующий журавль.

«Откуда, интересно, у Яковенко такой нож?»

Впрочем, после гражданской во многих семьях появились неожиданные «находки», сделанные в разграбленных барских усадьбах.

Петров замотал добычу в тряпицу и положил на комод. Выдвинул следующий ящик, увидел аккуратную пачку писем, перевернул к себе лицом и прочёл: «с. Никольское».

«Неужели так легко?»

– Нашёл, Семен Евгенич! – воскликнул Петров.

Старший милиционер резко обернулся:

– Чего нашёл, Егор?

– Нашёл, куда душегуб наш сбёг! – Петров помахал письмами. – В Никольском он, поди. У него там родственники.

Судя по тому, как побледнела госпожа Яковенко при упоминании села, предположение было верным…

… Дом Василия Баранова, который приходился беглому душегубу шурином, нашли быстро – показали игравшие на улице мальчишки. Наученный горьким опытом, Комаров на этот раз отрядил к каждому окну по милиционеру, сам с тремя смельчаками отправился к главному входу, а Петрова и Фролова послал к чёрному.

На подготовку дал три минуты, и ровно по прошествии этого времени Егор услышал громкое:

– Именем советской власти, откройте!

И стук в дверь, больше напоминающий грохот.

А в следующий миг Петров увидел Яковенко: бугай выскочил из дома и легко, как ребёнка, сбил с ног замешкавшегося Фролова. И тут же замахнулся молотком.

– Стоять! – рявкнул Егор и выстрелил в воздух.

Душегуб замер.

– Бросай молоток и руки подними! А то пристрелю.

Переть против «нагана» Яковенко не решился: выругался, отшвырнул инструмент и покорно исполнил приказ. Фролов поднялся на ноги и торопливо застегнул на душегубе наручники.

Казалось бы, дело сделано, но когда напарник развернул Яковенко лицом, Петров увидел, что душегуб улыбается. Не униженно, в надежде «понравиться гражданину начальнику», не от страха, а весело, даже надменно. Улыбается так, словно это он поймал милиционеров, а не наоборот, и Егор от неожиданности вздрогнул. На миг ему почудилось, что бугай при желании способен с лёгкостью разорвать наручники, покрошить всех милиционеров в капусту и преспокойно вернуться туда, откуда прибыл, то есть – в ад.

И впервые за годы службы Петров пожалел, что его «наган» заряжен свинцовыми, а не серебряными пулями.

– Чего лыбу давишь? – срывающимся голосом осведомился он, продолжая держать душегуба на мушке.

– Ползаете все, червями, – пробасил Яковенко, не прекращая улыбаться. – Смысла не видите. В земле начали, в земле и кончите.

Голос у него оказался почти шаляпинский – мощный, густой, резонирующий.

– Чего ты плетёшь? Какого мы смысла не видим?

Вокруг них стали собираться милиционеры, однако старшего – Комарова – ещё не было, видимо, крутил Баранова, и потому Петров решил не прекращать

разговор с преступником. Который, похоже, сам желал высказаться.

– Тридцать три червя растоптал я, – продолжил Яковенко. – И дальше бы топтал, ежели б вы не вмешались. Но я уйду, другие придут, вот увидите…

Егор с трудом сдержался, чтоб не присвистнуть: тридцать три убийства?! Неужто не врёт? Трудно поверить в такое признание, но, с другой стороны, зачем Яковенко лукавить? Иной на его месте и от уже найденных открещивался бы, а этот, напротив, лишних два десятка себе приписывает.

– Где остальные тела? Рассказывай, куда дел?

– Тела вам нужны? Да тела – тьфу, грязь! Только кровь важна, кровь, она одна нужна для нашей цели!

Яковенко явно завёлся, и Петров понял, что обязан воспользоваться его состоянием и вызнать как можно больше.

– Для какой ещё цели?

Молчание.

– Для какой цели?!

Но арестованный не отвечал, с улыбкой разглядывал перешёптывающихся милиционеров и молчал. Понял, что нагнал страху, и наслаждался произведённым эффектом.

– Откуда у тебя нож с журавлём? – неожиданно спросил Петров и попал в точку.

– Нож не тронь! – заорал Яковенко, выпучив глаза. – Не тронь!

Не удержался – бросился на милиционера, и лишь в самый последний миг Фролов успел сбить его с ног. А дальше…

А дальше случилось то, что ни в коем случае не должно было случаться с народными советскими милиционерами. Дальше рухнула стена запретов, и люди бросились на упавшего зверя. И принялись бить его, позабыв о законе и правилах, позабыв обо всём, кроме желания уничтожить тварь. Люди били зверя остервенело, безжалостно, и подоспевшему Комарову с огромным трудом удалось остановить побоище и спасти окровавленного Яковенко от самосуда.

Для того чтобы через три месяца душегуба расстреляли по приговору суда.

* * *

Ростов-на-Дону, наши дни

Улица Тельмана была мертва. Магазины закрылись часа два назад, люди сидели по квартирам и в большинстве своём спали – по крайней мере, в ближайших домах горело каждое пятое окно, не больше. Дремали припаркованные у обочин машины, и ветер, что разгулялся днём, утих, словно тоже отошёл ко сну. Казалось, ничто уже не сможет вырвать улицу из лап Морфея…

…как вдруг тишину разорвал частый стук каблуков.

Остаться в офисе допоздна Лера решила сама: работы за неделю поднакопилось прилично, и заниматься ею на выходных женщине не хотелось. Да и домашняя обстановка, что греха таить, расслабляет донельзя: ну кто в здравом уме станет возиться с документами у компьютера, когда по телевизору идёт «Давай поженимся»? А эту передачу Лера очень любила. Пусть там всё фальшиво, но… чёрт возьми, как же хочется, чтобы именно с тобой нечто такое случилось на самом деле. Как большинство женщин за тридцать, которые любят худеть и эклеры, Лера мечтала встретить принца. Она искренне верила, что однажды к ней подъедет белый «Мерседес», из которого на неё посмотрит сама судьба – в лице красавца едва за сорок, с благородной проседью в волосах и щетиной, добавляющей образу привлекательности.

Впрочем, в те мгновения, шагая по безлюдной улочке, Лера думала не о принце. Память, будь она неладна, подкидывала совсем другие картины – в частности, кадры из вечерних новостей, которые начинались после любимой передачи.

«Очередная жертва таинственного убийцы…» – гудел в голове голос диктора, от которого по спине бежали мурашки. И тонко намекали, что следовало всё же уйти с работы вовремя.

«Ничего, ничего… Со мной ничего не случится…»

До перекрёстка было рукой подать, когда сзади послышался рёв мотора. Хотя «рёв» – это, пожалуй, сильно сказано, ведь к обочине причалила не жалкая «шестёрка», а старенький, но вполне респектабельный «Вольво». Что характерно – белый, прямо как в мечтах.

Стекло пассажирской двери плавно опустилось, и сидящий за рулём мужчина осведомился:

– Валерия, вы ли это?

Женщина остановилась, медленно повернулась и увидела знакомое широкое лицо Андрея Смирнова, инженера-конструктора из соседнего отдела. Был он, как обычно, слегка растрёпан и не смотрел в глаза, уводя взгляд в сторону, но Лера обрадовалась:

– Андрей?!

Смирнов улыбнулся – видимо, обрадовавшись, что она помнит его имя. Андрей был явно неравнодушен к собеседнице; впрочем, она поняла это уже давно, ещё когда он подсел к ней неделю назад в столовой и неуклюже «ухаживал», подавая то одно, то другое. С тех пор они здоровались, разговаривали в курилке на разные темы, но дальше их роман пока не продвинулся.

До этого момента.

До встречи на мёртвой улице, по которой поздними вечерами даже ветер не решается гулять…

«Судьба?»

– Что вы здесь делаете?

– Был у знакомых, помогал с переездом после работы и вспомнил, что забыл портмоне с документами…

– Правда?

– Увидел вас и чуть из машины не выпал.

– От удивления?

– От радости.

– Да вы что?..

– Садитесь, довезу, – предложил Андрей.

Лера пожала плечами. Отказываться глупо – до остановки ещё топать и топать, маршрутки ходят раз в час, а погода не слишком располагает к томительному ожиданию.

– Садитесь-садитесь, – подначивал Смирнов.

– Ну что вы из-за меня потащитесь… – вяло запротестовала Лера.

– Так я никуда не спешу. Мне… мне будет приятно, если вы согласитесь, – заверил мужчина.

И Лера, театрально выдохнув, сдалась:

– Ладно.

Опустилась на пассажирское сиденье и поблагодарила:

– Спасибо, Андрей. Вы меня выручили.

– Как там в старой песне пелось? – Он направил «Вольво» от тротуара. – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью… Тут, конечно, не сказка, а так, мелочь. Но смысл вроде тот же.

Лере сравнение показалось надуманным донельзя, но она сочла за лучшее промолчать.

– Куда? – спросил Смирнов.

– На Мурлычёва.

– А где это?

– Возле парка Революции.

– А, понял…

Белоснежный «Вольво» поплыл к перекрёстку. По радио Боярский тихонько пел о зеленоглазом такси, и Смирнов, судя по шевелению губ, вторил питерскому «мушкетёру». Лера же отвернулась к окну и уставилась на ночной Ростов.

– А вы, кажется, частенько по пятницам задерживаетесь? – предположил Андрей, снова привлекая внимание попутчицы.

– А? – Она оглянулась и подняла руку, убирая с глаз упавшую прядь волос. – Ну да, в общем… Не хочется домой работу брать, легче задержаться. Но сегодня что-то совсем я… припозднилась. Да и осень, темнеет рано…

– Унылая пора, очей очарованье… – с чувством продекламировал Смирнов.

Его манера вворачивать в беседу избитые цитаты раздражала чрезвычайно. Андрей, судя по всему, был из тех людей, которые любят выражаться чужими строчками, поскольку родить собственные неспособны.

Из вежливости Лера снова промолчала, и он, не встретив поддержки, умолк.

Вслед за «мушкетёром» Боярским по радио запел «гардемарин» Харатьян.

«Тематический вечер, что ли, у них там?» – подумала Лера.

– По воле рока так случилось… – тут же зашептал Смирнов.

«О, Господи… может, лучше было бы пойти пешком?»

Они миновали парк и, свернув налево, стали подниматься вверх по улице Каяни.

– Здесь направо… – начала было Лера, однако Смирнов проигнорировал нужный поворот. – Андрей, вы проехали!

– В самом деле? Вот незадача! Ну, ничего, сейчас сделаем небольшой крюк и всё исправим…

Он говорил спокойно, с улыбочкой, однако у Леры появилось нехорошее предчувствие.

Смирнов свернул на квартал северней Мурлычева.

– Андрей, ну куда вы? Там же тупик! – возмутилась Лера.

– С чего вы взяли?

– Это мой район! Я тут всё знаю.

Смирнов будто не слышал.

– Остановите машину! – Лера вцепилась в ручку, попыталась открыть дверь, но та оказалась заблокированной. – Немедленно остановите, я вам говорю!

– Заткнись, – прошипел Андрей сквозь зубы.

– Что?!

– Заткнись, сука!

Женщина потянулась к кнопкам управления стеклоподъёмника, однако Смирнов ударил по тормозам, и она от неожиданности больно стукнулась лбом о панель. Не дожидаясь, пока Лера опомнится, Андрей ухватил её за волосы и резко потянул к себе. Лера взвизгнула, попыталась вырваться, но Смирнов держал крепко.

– Помогите! – воскликнула женщина, тарабаня в стекло.

– Заткнись, – в третий раз произнёс Андрей.

Его левая рука нырнула в карман, однако достать Смирнов ничего не успел: стекло водительской двери разлетелось вдребезги и ему в лоб упёрся чёрный ствол автомата.

– Руки покажи! – заорал стрелок – коренастый мужчина в чёрном комбинезоне, лицо которого скрывала маска.

Андрей затрясся.

– Руки, живо! Работает спецназ!

Смирнов отпустил рыжую гриву Леры и показал руки. А женщина, дрожащей рукой дотянувшись до брелока, нажала на кнопку автозамка. Флажки с характерным щелчком поднялись, женщина распахнула дверь и вышла из машины. Пошатнулась, но её тут же поддержал высокий блондин в чёрной кожаной куртке и джинсах.

– Ты как?

Это был капитан Борис Литвинов из убойного.

– Порядок, – с трудом проронила Лера.

– У тебя синяк на лбу… Ударил?

– Ударилась… Он затормозил… О торпеду стукнулась…

– Ты молодец. – Литвинов заглянул в салон, брезгливо поморщился при виде Смирнова и, приобняв, повёл Леру за собой.

– Надо было брать его с поличным… – пробормотала женщина. – Чтоб не отвертелся…

– У тебя всё получилось. – К ним подошёл ещё один мужчина – черноволосый, плотный, лет сорока на вид. – К награде представим.

– Спасибо.

– Отдыхай, пока. – И повернулся к Смирнову, которого спецназовцы уже выволокли из машины. – Права тебе уже зачитали? Вот и хорошо. Поехали скорее, а то время позднее, а тебя пока оформишь, вообще за полночь будет…

– Я могу заняться, – вызвался Литвинов.

– Тебя, Боря, жена дома ждёт, – хмуро заметил Фёдор Семёнович.

– А вас прям не ждёт! – фыркнул Боря.

– А моя привыкла, что я поздно. Да что там – она уже, наверное, спит. Так что мы сами со Смирновым потолкуем, не спеша… Да, Смирнов? Ты ведь не против поговорить с подполковником Брагиным по душам?

Смирнов промолчал, затравленно наблюдая за тем, как спецназовец достаёт из его кармана большой складной нож.

– Вот тебе и инженер, – вздохнул Брагин. – Вот тебе и конструктор. Или вы ножом ватман режете, господин Смирнов?

Андрей не ответил, даже головой не мотнул.

– Не ватман… – печально констатировал Брагин. – Совсем не ватман…

Спецназовец – тот самый крепыш с автоматом – защёлкнул наручники на запястьях арестанта, и в этот момент Смирнов неожиданно «включился»:

– Вы… что вам от меня надо? Что я сделал?

– А я думал, вы до управления будете молчать… – рассмеялся Фёдор Семёнович.

– В чём меня обвиняют? – будто не слыша его, продолжал Смирнов. – Снимите наручники!

– Вы подозреваетесь в шести убийствах, – посерьёзнев, ответил Брагин. – И крепко подозреваетесь, господин Смирнов, очень крепко. А обо всём остальном мы поговорим в управлении.

– Вы не имеете права!

– Имею.

– Нет!

– При желании можете на меня пожаловаться, – пожал плечами подполковник. – Вам будет предоставлена такая возможность.

И кивнул.

Спецназовцы потащили задержанного к фургону, но в тот миг, когда Смирнова разворачивали, на его губах появилась надменная улыбка.

Как будто его не в полицейскую машину вели, а он милостиво разрешал слугам донести себя до кареты…

…Его усадили на стул, пристегнули к столу и велели помалкивать. Ему такой подход не понравился, но кого это волновало – правила есть правила. В настоящий момент Смирнов официально подозревался в убийстве, и не просто в убийстве, а в серии смертей, исполнителя которых ушлые журналисты наградили кличкой Филин. И именно поэтому обращались с ним соответственно, то есть – предельно жёстко.

Убивал Филин только женщин, только ночью и удары наносил обязательно сверху – за это и получил эту кличку. Убивал нечасто, раз в несколько недель, и ошибку допустил всего одну – убил сослуживицу по прежней работе. Потянув за эту ниточку, Брагин сумел вытащить преступника на свет божий.

– Ну что, господин Смирнов? – Подполковник опёрся на стол сжатыми в кулаки ладонями и угрюмо посмотрел на маньяка. – Допрыгались?

Борис Литвинов уселся на стул сбоку от задержанного и скрестил руки на груди.

– Я до сих пор не понимаю, на каком основании вы меня сюда притащили, – дрожа всем телом, ответил Андрей. – Меня в чём-то обвиняют?

– Вас задержали за нападение, то есть – за покушение на убийство Валерии Сулиной. Она, к слову, сейчас побои у врача снимает.

– Да какие там побои… – пробормотал Андрей.

– Кроме того, имеется видеозапись, – с нажимом продолжил подполковник, – на которой отчётливо видно, как госпожа Сулина садится в вашу машину. Плюс – запись вашего разговора, включая финальную его часть.

Андрей злобно сверкнул глазами, но промолчал.

– Что скажете?

– Плохо помню, что происходило в машине, – нехотя протянул Смирнов. – Но для протокола скажу, что Валерия мне всегда нравилась и я ни за что не причинил бы ей вред.

Брагин улыбнулся, как будто услышал то, что ожидал, раскрыл папку, взял одну из лежавших в ней фотографий и показал задержанному:

– Узнаёте?

Смирнов мельком глянул на фото и отвернулся.

– Вижу, узнали, – кивнул подполковник.

– Это вы видите, – уточнил Андрей. – Я ничего такого не говорил.

Полицейский достал следующий снимок:

– А эту женщину помните?

И снова Смирнов удостоил фото лишь мимолётным взглядом. И продемонстрировал надменную ухмылку, которая заставила Литвинова едва слышно чертыхнуться.

– А эту?

И именно этот, третий снимок, вызвал у Андрея реакцию:

– Шульгина? – изумился он.

– А то вы не знаете?

– Я Шульгину не убивал, – машинально заявил Смирнов.

– В самом деле? – нахмурился подполковник. – А тех, предыдущих, значит, убивали?

– Я этого не говорил, – опомнился Андрей. – Но Шульгину – клянусь – пальцем не трогал. Даже не знал, что она мертва.

– Что вы лжёте, Смирнов? – Брагин неожиданно грохнул кулаком по столу, да так сильно, что Борис вздрогнул одновременно с маньяком. – Вы с Шульгиной и Савельевой работали в одной фирме. – Подполковник указал на четвёртую фотографию. – Савельеву вы убили, ещё когда работали вместе, а Шульгину – после увольнения.

– Нет!

– Да, господин Смирнов, да, – усмехнулся Фёдор. – Почерк совпадает: ночь, деревья, удары ножом сверху. Эксперты не ошибаются.

– Ошиблись.

– Попробуйте доказать это на суде.

– Вы для начала попробуйте собрать на меня улики, – предложил Андрей. – А то до суда дело может и не дойти.

– Не учите меня работать.

– И в мыслях не было. – Смирнов помолчал. – Короче, вот вам добрый совет… – Показалось, что он сам не рад, что затеял этот разговор. – Шульгину вы на меня не повесите, даже не пытайтесь. Когда её нашли… такой… мёртвой?

– Пятого сентября.

– Пятого сентября… – Взгляд Андрея стал рассеянным, он явно пытался вспомнить тот день. – А! Ну так это первая суббота месяца, я как раз пятого к матери ездил, у неё трубу прорвало на кухне, чинил. Я-то без отца рос, а у матери руки больные… артрит, приятного мало…

– И вы весь день пробыли у матери? – перебил подозреваемого Брагин.

– Ну, практически. Уехал уже часов… в одиннадцать вечера, да. А её, ну, Шульгину, во сколько… убили? У вас же есть всякие… эксперты?

– Гражданку Шульгину убили как раз между десятью и двенадцатью, так что вы по-прежнему подозреваемый, господин Смирнов, – с облегчением произнёс подполковник. – Ваша мать на Зорге живет?

– Да.

– Ну и кто сможет подтвердить, что вы там были до одиннадцати вечера? Кроме матери, разумеется?

– Ну… – Смирнов почесал в затылке. – Я, когда возвращался, на заправку заезжал, ну там же, на Зорге, около половины двенадцатого, бензина залил полный бак, платил карточкой…

Брагин едва сдержался, чтобы не выругаться вслух: Шульгину нашли в Александровке, и если Смирнов действительно не врал насчёт заправки, то связать его с убийством этой женщины будет очень проблематично… если не сказать невозможно.

К тому же – вот ведь ирония судьбы – Брагин частенько заправлялся именно на той бензоколонке, о которой говорил Смирнов, и знал, что возле кассы расположена камера видеонаблюдения. И если она сняла, как Смирнов расплачивается за бензин, теория о его причастности к гибели Шульгиной рассыплется, словно карточный домик.

Но, чёрт возьми, как же это убийство напоминает прочие деяния Филина! Разве мог кто-то столь искусно подражать этому сумасшедшему негодяю? Возможно, у него есть сообщник-ученик, который путает следы? Не дай бог… Такого имитатора ещё попробуй поймай!

– Мы проверим ваши показания, – нехотя произнёс Брагин. – А что насчёт Савельевой?

– Я ничего не знаю, – упрямо повторил Смирнов. – Никого не убивал. Вы арестовали не того парня.

– Мы арестовали того парня, который напал на госпожу Сулину.

– А спрашиваете о какой-то Савельевой.

Фёдор Семёнович почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он-то думал наседать на маньяка, пока мерзавец во всём не сознается, однако тот ухватился за неожиданно возникшую спасительную соломинку и, нащупав зыбкую, но почву, принялся аккуратно отползать от трясины.

«Шульгину он, похоже, действительно не трогал, – сверля арестанта хмурым взглядом, думал Брагин. – Но Савельева – сто процентов его работа!»

В том деле у подполковника был свидетель, видевший Смирнова рядом с местом преступления. Тоже косвенная улика, конечно, но свидетель отличный: положительные характеристики с места работы, не курит, не пьёт, спортсмен с прекрасным зрением. Такого свидетеля ни один адвокат не зашельмует на процессе, и Фёдор Семёнович был уверен, что Савельеву он на душегуба повесит обязательно.

«Но что же нам теперь делать с Шульгиной? И, дай бог, с одной Шульгиной…»

Брагин закусил губу, а потом взял стопку фотографий из папки и стал молча выкладывать их на стол перед маньяком. Андрей наблюдал за его манипуляциями достаточно спокойно.

– Давайте попробуем иначе, господин Смирнов. Я буду называть имя жертвы, время и место смерти, а вы будете пытаться убедить меня в своей непричастности.

– Вы что, законы плохо знаете? – скривился Андрей. – Это вы должны доказывать, что я, честный человек, причастен к преступлениям.

– Но ведь о Шульгиной вы сказали, – напомнил Брагин.

– От удивления, – объяснил Смирнов. – Мы, знаете ли, с ней работали в одном учреждении.

– Смерть Савельевой не вызвала у вас такого же удивления.

– Потому что Савельеву убили, когда я работал в той фирме.

– И вас не удивляет, что убиты две женщины, с которыми вы работали?

– А почему это должно меня удивлять?

«Откуда у тебя силы так держаться?»

Брагин внимательно изучал подозреваемого, по его приказу был составлен его психологический портрет, в котором было сказано, что Смирнов – слабак.

Убивает, чтобы почувствовать силу, ощутить превосходство, которого не получает в реальной жизни, и обязательно сломается на допросе. Ориентируясь на эти данные, Фёдор Семёнович повёл допрос достаточно грубо, намереваясь расколоть задержанного с ходу, и ошибся. Крепко ошибся. И плевать на то, что психологический портрет оказался неверен – за результат отвечает он, и только он.

– Когда вы меня отпустите? – осведомился Смирнов.

– За вами числятся покушение на убийство и несколько убийств.

– Вы говорили шесть, – припомнил Андрей.

Брагин, к удивлению Литвинова, промолчал.

– Теперь стало меньше?

Вновь тишина.

– А окажется, что нисколько.

– Вы пытались убить Валерию.

– Нет.

– Да.

– Вам показалось.

– Мы…

Но подполковник знал, что история с Сулиной такая же косвенная, как всё остальное, накопившееся к этому часу. Они со спецназовцами испугались, что Филин убьёт Леру прямо в машине, и выскочили чуть раньше, чем следовало. В результате на задержанного можно было повесить нападение, но никак не покушение на убийство.

– От меня жена полгода назад ушла, – пожал плечами Смирнов. – Я иногда прям сам не свой…

– То есть вы сознаётесь в нападении?

– То есть я поведал вам детали своей нелёгкой жизни, – усмехнулся Андрей. – Всё остальное – ваши домыслы.

Брагин скрипнул зубами. Он явно был в бешенстве, поэтому Литвинов счёл своим долгом вмешаться. Он подошёл к шефу и прошептал:

– Фёдор Семёнович, прошу, давайте на сегодня закончим. Утро вечера мудренее, как говорится, да и все уже и так на нервах…

Смирнов вновь выдал надменную улыбку. Брагин ответил раздражённым взглядом, кивнул, распорядился:

– Разберись с бумагами.

И вышел из допросной.

Он был зол, очень зол, однако ярость не помешала ему понять, что Смирнов не лгал насчёт Шульгиной. У Филина был ученик. Или сообщник. Или просто последователь, который практически идеально сымитировал почерк убийцы.

«Подражатель?»

* * *

Наверное, если бы ему вдруг предложили сменить имя на любое другое, Зоран не задумываясь выбрал Ненависть. Почему? Просто потому, что жил ею с тех самых пор, как его родители погибли на стенах Зелёного Дома, защищая Людь от презренных чудов. От рыжей нечисти, которая решила покорить Великий Дом с помощью гиперборейцев. И у которой это почти получилось.

«Лунная фантазия»…

Так назвал то побоище лощёный Сантьяга, и журналисты «Тиградком» радостно подхватили удачное название.

«Лунная фантазия»… Лосиный Остров стал красным от крови, а оба Великих Дома, и Чудь, и Людь, понесли огромные потери, от которых не оправились до сих пор.

«Лунная фантазия»…

Зоран плохо разбирался в политике, и это было простительно, учитывая, что люду совсем недавно исполнилось двадцать, но юноша понимал, что никакая политика не способна оправдать убийц его родителей. Чуды пришли к стенам Зелёного Дома, чтобы сеять смерть. Чуды убили его мать-фату и отца – обер-воеводу дружины Перово. И парень имел полное право ненавидеть рыжих за это преступление.

«Лунная фантазия»…

В тот день, когда хоронили родителей, Зоран стоял у гроба рядом с тётей Доброславой и мечтал об одном: отомстить Великому Дому Чудь. Любым способом, лишь бы страшно. Лишь бы все рыжие содрогнулись. И весь Тайный Город изумился. И чтобы через сто и даже тысячу лет подданные Великих Домов шёпотом пересказывали друг другу подробности той чудовищной расплаты…

Зорану казалось, что в мести будет заключаться справедливость. Не проходило и дня, чтобы он не думал о грядущем возмездии. О, сколько раз ему снилось, что он превращает в руины Замок рыжих на проспекте Вернадского! Или вешает великого магистра. Или…

Но сны оставались снами, а чуды как поселились на Вернадского, так и продолжали там обитать. Ведь мечтающий о расплате юноша даже не был колдуном – в Великом Доме Людь сим даром обладали исключительно женщины, – а значит, не мог всерьёз надеяться нанести ненавистным врагам хоть малейший вред.

Он расправлялся с ними в снах.

Потом просыпался и долго-долго лежал в кровати, стискивая в бессильной ярости могучие кулаки.

Он был готов совершить что угодно. Пойти на любое злодеяние, любое преступление, но… Но случая, то ли к счастью, то ли к его величайшему огорчению, не представлялось.

И Зоран оставался со своей Ненавистью один на один.

В день, когда парню стукнуло двадцать, она по-прежнему была с ним, хотя теперь люд научился прятать её от окружающих. Друзья и родственники считали, что время излечило раны, что невысокий, но плотный, очень улыбчивый юноша перестал чувствовать давнюю боль, и даже самая близкая Зорану женщина – тётя Доброслава – не догадывалась, что в его душе продолжает пылать пламя.

– Отрадно видеть, что ты избавился от тоски, – улыбнулась пожилая ведьма, когда они уселись ужинать в тот день. – Одно время я думала, что ты возненавидел весь мир.

– Только Орден.

– А сейчас?

– Сейчас я просто отношусь к ним как к врагам.

– Как все люды.

– Совершенно верно.

– И это хорошо.

Как все ведьмы, тётушка Доброслава была зеленоглазой и белокурой, правда, с годами волосы становились всё белее и белее. Своих детей она не завела – сказывались последствия страшного ранения, полученного в схватке с навами, и всё своё тепло Доброслава отдавала племяннику, стараясь в полной мере заменить ему родителей.

– Ты стал часто улыбаться.

– Мне это нравится.

– И это тоже хорошо.

– Согласен, – помолчав, кивнул Зоран. – Улыбаться – хорошо.

К счастью, Доброслава не была сильной ведьмой, всего лишь уровня феи, и потому не почувствовала неискренность в его словах.

– Молодец, мальчик.

– Спасибо.

Она всегда именовала племянника мальчиком, сколько бы лет Зорану ни было – пять или, как теперь, двадцать. Наверное, ничего не изменится и в пятьдесят, и в сто, если, конечно, Доброслава сумеет протянуть до этого юбилея.

– Я долго думала, что тебе преподнести в этот знаменательный день, – продолжала тётушка, – и решила, что лучшего подарка, чем возвращение в отчий дом, трудно придумать.

С этими словами она положила на стол до боли знакомую юноше связку ключей. Зоран уставился на подарок, будто на невероятную диковинку, затем перевёл взгляд на Доброславу.

– То есть… – В горле вдруг пересохло. – Я могу отправиться… домой?

– Да, мальчик. – Она нашла его руку и сжала. – Пора.

У Зорана перехватило дыхание.

«Домой!»

Он медленно, дрожащими от переизбытка чувств пальцами сгрёб ключи и сжал их в кулаке.

«Домой!»

– Спасибо, – проронил Зоран хрипло. – Это… это много для меня значит.

– Я понимаю, мальчик, – очень мягко откликнулась Доброслава. – Я хотела сделать этот подарок через год, на совершеннолетие, но сама не выдержала. Ты должен вернуться.

– Да.

Последний раз Зоран перешагивал порог отчего дома, когда, зарёванный, паковал чемоданы, а спустя пару часов вышел и устремился за тётей, оглянувшись в итоге лишь раз…

…И вот он – у родной двери. Связка по-прежнему в кулаке; кажется, он так его и не разжимал с тех пор, как забрал подарок со стола. Переборов оцепенение, Зоран отыскал среди прочих ключей нужный и медленно вставил его в замочную скважину. Сглотнув, провернул и замер, когда ничего не случилось. Хотя чего он ждал? Что из дома наружу ринется армия чудов, одержимых идеей довершить начатое и вслед за родителями отправить на тот свет единственное их чадо?

Нет. Конечно, нет!

Ничего не случилось, потому что нужно было надавить на ручку двери…

Зоран надавил.

Раздался скрип.

Юноша закусил губу и вошёл.

«Здравствуй! Я вернулся…»

Отчий дом встречал его запахом застарелой пыли, которая покрывала все шкафы, полки, комод, сундук и прочую мебель. Каждый шаг по ковровой дорожке выбивал из неё пыль, но в тот момент Зоран думал не о грядущей уборке. Он вспоминал.

Ему чудились голоса родителей, их шаги… В какой-то момент бросился в соседнюю комнату и замер в дверях, поняв, что это невозможно… НЕВОЗМОЖНО! И не сдержал слёз. А потом пришли знакомые с детства шорохи и звуки: вот открылся сундук, вот отодвинулся стул, вот петли шкафа заныли, изнывая без смазки… Память упрямо пыталась подменить воспоминаниями реальность, но с каждой секундой получалось всё хуже и хуже: образы появлялись, почти мгновенно тускнели и быстро возвращались в небытие. И вскоре Зоран остался в пустом доме один.

Призраки прошлого ушли, проронив напоследок:

«Родителей не вернуть, парень. Живи дальше!»

Живи дальше…

Точно это же твердила ему тётушка. И друзья. И друзья родителей. Словом, все, кто желал поддержать сироту, но никто не сумел объяснить ему, как именно он должен жить дальше. Что он должен сделать с Ненавистью? Забыть её? Но как? Как можно забыть то, что стало частью тебя?

И жить дальше.

Как?

Когда-то давно Зоран честно пытался. Он был маленьким и слушал чужие советы. Он попытался «жить дальше», но понял, что, забывая о Ненависти, забывает родителей. Их образы расплывались без неё, становились эфемерными, терялись… А терять родителей маленький люд не хотел. Не мог себе этого позволить. Он любил тётушку – да, но главными для него оставались отец и мать. Зоран не собирался их отпускать и потому – ненавидел тех, кто погубил их…

…Юноша остановился в дверях покоев матушки и окинул комнату печальным взглядом. Толстый слой пыли покрывал огромное трюмо, стол у окна, стулья и прочую мебель; слой пыли покрывал всё и всё делал серым. Всю комнату, в которой он так любил бывать. Пить с мамой чай у раскрытого окна и слушать поразительные рассказы из истории Великого Дома Людь, который некогда царил на всей Земле… Покуда не заявились проклятые чуды!

К чести матушки, стоит заметить, что она никогда не вдавалась в кровавые подробности древней вражды, но, разумеется, благодаря тем рассказам семена нынешней Ненависти упали на благодатную почву. Дети реже взрослых используют полутона, для них есть только белое и чёрное, хорошее и плохое. Чудов маленький Зоран всегда считал плохими, а потом они подтвердили это мнение, безжалостно убив его родителей.

Круг замкнулся.

В рабочий кабинет отца входить было боязно. Здесь как будто до сих пор царил идеальный порядок: родитель, строгий педант, всеми фибрами души ненавидел хаос и приходил в ярость, если жена или сын без спросу вторгались в его с тщанием отстроенное царство. Каждая деталь обстановки была для отца важна, каждый предмет находился на своём месте. Казалось, стоит сдвинуть что-то или переложить, идеальный мир тут же рухнет, а позволить это отец никак не мог.

Впрочем, даже здесь, среди пугающе-упорядоченного интерьера, нашлось место своеобразной игре.

Зоран обошёл стол по широкой дуге и уставился на трёх обезьян. Композиция: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу». Постоял, посмотрел, затем робко протянул руку к центральной обезьяне и коснулся указательным пальцем её лба.

Щёлк.

Дверца тайника открылась, и люд взял в руку ключ от чердака: в детстве Зоран обожал копошиться в лежащем наверху хламе.

«Интересно, папа, ты знал, что я беру ключ?»

Наверняка знал. Но ничего не говорил, поскольку его неведение являлось обязательной частью игры.

«Если так, то спасибо!»

На глаза вновь навернулись слёзы, на душе стало горько, и люд едва не упустил из виду конверт, лежащий на дне тайника.

«Письмо? – Сердце забилось быстрей. – Кому оно предназначено? Мне?»

Дрожащей рукой он вытащил конверт и громко всхлипнул, увидев на нём одно-единственное слово: «Зорану».

К горлу подкатил ком. С трудом удерживая рыдания, юноша разорвал конверт, резко развернул листы, снова всхлипнул, узнав знакомый отцовский почерк, и впился взглядом в строчки:

«Дорогой сын!

Прости, что пишу тебе вместо того, чтобы попрощаться лично, но я не уверен, что смог бы повторить всё это, глядя тебе в глаза. Видя тебя. Держа тебя за руку. Я не смог бы признаться, что мы с твоей мамой отправляемся не в обычное патрулирование, как сказали тебе, а в самое пекло – во дворец. Сегодня ночью там будет очень плохо, сын, там будет пировать смерть, и есть огромная вероятность того, что мы не доживем до утра.

Ты просил бы нас остаться. И нам пришлось бы долго объяснять, что мы не можем, что долг зовёт нас в бой и мы обязательно должны быть там, где сегодня будет смертельно опасно. Ты бы плакал. Мы – тоже.

Поэтому мы поступаем так, как поступаем, и я прошу у тебя за это прощения. Ты крикнул мне «Пока!», едва оторвавшись от книги, но не кори себя в том – я так хотел. И мама тоже.

Потому что мы тебя любим…»

И Зоран не выдержал – закричал.

* * *

– Эй, кто-нибудь! – донеслось из одиночки.

Василий Емельянов приоткрыл левый глаз и сонно уставился на монитор, на который выходили картинки со следящих видеокамер.

И поморщился.

Вчера вечером в изоляторе городского управления полиции образовался важный гость, как пояснил начальник убойного подполковник Брагин – жутко опасный маньяк, на счету которого минимум три жертвы, и именно он сейчас вопил. Подробности о госте Емельянов благополучно прослушал, поскольку залип в телефоне – аккурат вчера ему свезло в соцсетях познакомиться с одной симпатичной девицей. Номерами обменялись практически сразу, и она тут же начала активно слать ему всякие милые глупости с интервалом в три-четыре минуты, а он – делать вид, что ему жутко интересны её послания. Ну а поскольку с наступлением ночи девица отправилась спать, Вася решил, что и ему прикорнуть ничто не мешает, в том числе дежурство. Так бы и спал до утра, если б «важный гость» не начал вопить.

– Эй!

– Чего он орёт? – пробубнил Емельянов.

– Сейчас узнаю. – Его напарник, Игорь Гамбулов, поднялся из-за стола.

– Эй!!

– Пусть заткнётся, – попросил Вася, вновь роняя голову на грудь.

– Сейчас…

Гамбулов быстрым шагом дошёл до камеры и буркнул:

– Ну?

– В туалет мне надо, – сообщил арестованный. – Проводите, пожалуйста, сил нет терпеть!

Игорь молча достал связку ключей, отыскал нужный, вставил его в замочную скважину и провернул. Язычок с лязгом спрятался в коробку, и Гамбулов потянул дверь на себя.

– Выходите.

Смирнов нетерпеливо рванулся вперёд, но дежурный выставил левую руку, останавливая арестанта, а правой машинально взялся за дубинку.

– Полегче!

– Что?

В отличие от напарника, Гамбулов инструкцию слушал внимательно, знал, что для Смирнова всё вокруг в диковинку, поэтому бить арестованного не стал – на первый раз, – а просто объяснил:

– Избегайте резких движений. Иначе будет плохо. Понятно?

– Да. – Смирнов дёрнул щекой. – Да.

– Руки держите за спиной.

Арестант судорожно вздохнул, но подчинился. Гамбулов отступил в сторону, позволив Филину выйти из камеры, после чего указал:

– Лицом к стене.

Дождался исполнения, закрыл и запер дверь камеры.

– Побеги у вас были? – поинтересовался Смирнов, не отрываясь, впрочем, от стены.

– За побег у нас карцер положен, – усмехнулся Гамбулов. – Так что не советую.

– Вы серьёзно?

– Ну, ещё дубинкой по почкам.

– Это аргумент.

– Согласен.

Игорь велел арестованному повернуться и направил его по коридору.

И подумал, что никогда бы не принял Смирнова за маньяка: самый обыкновенный с виду мужик под сорок, роста чуть выше среднего и без выдающейся мускулатуры. Впрочем, если вдуматься, маньяки так и выглядят, взять того же Чикатило, выпускника филфака. Бугаи под два метра ростом отчего-то куда реже сходят с ума. Хотя, может, так просто кажется?

– Пришли, – сказал Гамбулов, когда Смирнов поравнялся с дверью туалета. – Входите, я следом.

Андрей оглянулся и недоумённо уточнил:

– Со мной?

– А вы думали, я одного вас туда пущу? Давайте, гражданин Смирнов, не тратьте попусту моё время – ночь на дворе.

Андрей скрипнул зубами, резко распахнул дверь и скрылся внутри. Дежурный последовал за ним.

Некоторое время спустя дверь открылась вновь, и наружу вышел абсолютно бесстрастный Смирнов, которому, похоже, хватило одного похода в туалет,

чтобы целиком и полностью примириться с участью арестанта. Следом за маньяком шагал хмурый Гамбулов. Возвращаясь, они не перекинулись и парой слов. Смирнов молча вошёл в камеру, дежурный молча закрыл за ним дверь и вернулся на стул, который стоял по левую руку от спящего напарника. Емельянов, услышав шаги, заворочался, приоткрыл один глаз и осуждающе посмотрел на товарища.

– Чего шумишь, спать не даёшь… – хрипло и фактически без интонаций осведомился дежурный.

– Я не нарочно, Вась, – буркнул Гамбулов, сверля взглядом дверь камеры.

– Нарочно, не нарочно… – проворчал Емельянов. – Чего там этот… хмырь хотел?

– Чтоб я его в туалет проводил, – нехотя ответил Гамбулов.

– Вот гад… Я б вообще таким гадам, как он, отрезал бы там… всё…

К концу предложения он уже храпел.

…Утро выдалось туманным и сырым. Выйдя из управления, Гамбулов зябко поёжился, застегнул до конца молнию куртки и поднял воротник.

– Бр-рр.

– Дубак сегодня не слабый, ёлки-палки, – заметил Емельянов, который буквально следовал за напарником по пятам. – Зима близко, ага.

– Октябрь только, – напомнил Гамбулов.

– Самое время начинать.

– Ну, может… – Гамбулов поморщился.

– Ты на машине? – Емельянов вытянул шею, надеясь разглядеть среди прочих автомобилей «жигулёнок» напарника.

– Да, – нехотя кивнул тот.

– Подбросишь до дома?

Пауза.

– Я спешу, Вась.

– Слушай, ну хоть до креста Нансена и Будёновского, – заканючил Емельянов. – Погода сам видишь – ужас, на остановке, прикинь, стоять, а?

Ветер действительно был зябким, да к тому же с холодной водяной пылью… Ещё одна пауза, чуть длинней предыдущей.

– Ладно, садись. Но только до креста, не дальше.

– Договорились!

Они забрались в зелёную «семёрку», Василий тут же уткнулся в любимую мобилу и принялся строчить новое сообщение ненаглядной малолетке, Игорь же фыркнул, завёл мотор и, снявшись с ручника, выехал за ворота управления.

Они катили по улицам Ростова, нарочно избегая центральных проспектов – уж очень велик был риск угодить в обязательную утреннюю пробку. «Семёрка» ехала плохо, видно было, что мотор не прогрелся как следует, но Гамбулов спешил. Так спешил, что один раз слишком круто вошёл в поворот, Емельянов стукнулся головой о стекло и, охнув от боли, с укором посмотрел на товарища. Игорь сделал вид, что не заметил красноречивый взгляд приятеля, и Василий, пробурчав что-то себе под нос, вновь склонился над телефоном.

Большую Садовую проскочили на мигающий жёлтый и едва не столкнулись с таким же торопыгой на «Опеле», который чудом не въехал в правый бок «семёрки».

– Ёлки-палки, Игорёк! – воскликнул Емельянов, оглянувшись на яростно сигналящую иномарку. – Ты чего так несёшься-то?

– Спешу очень, – сквозь зубы процедил Гамбулов. – Я говорил.

– На тот свет? – проворчал Вася, но в сторону водителя коситься после случившегося начал редко и с опаской, как на помешанного.

– Нет, ближе.

Настроение у напарника было не очень, и Емельянов умолк.

Добравшись до Нансена, Гамбулов резко затормозил и протянул приятелю руку:

– Давай.

– Увидимся.

– Ага.

Василий ответил на рукопожатие, выбрался на улицу, проводил взглядом умчавшуюся машину, улыбнулся, услышав сигнал пришедшего СМС – девушка ответила, но тут же скривился, поскольку телефон взвыл зажигательной мелодией: с ним хотел поговорить кто-то с неизвестного номера. Поколебавшись, он принял вызов и поднёс телефон к уху:

– Да!

– Емельянов! – воскликнула трубка отдалённо знакомым голосом. – Это подполковник Брагин, начальник убойного. Ты уже уехал?

– Да, – выдавил Василий, чуя подвох: если тебе звонит начальник убойного – жди беды. – А что случилось, Фёдор Семёнович?

– Случилось, но не у меня, а у тебя, – холодно отчеканил Брагин. – Смирнов умер.

– Когда? – опешил Емельянов. – Как так умер?

– А это уж у тебя спросить надо.

– У меня?

В трубке пикнуло – пришло очередное СМС от девушки, но несчастному Василию было не до любви.

– Давай, Емельянов, пулей в управление, – подытожил Брагин. – Будем разбираться.

– А-а… – У Василия подогнулись ноги.

– И Гамбулова прихвати. Вы вместе?

– Мы…

– Мне доложили, что вы вместе уехали.

– А-а…

Только сейчас до Емельянова дошло, в какое дерьмо они с Игорем вляпались: мало того что ему звонит не Голубев, их прямой начальник, а сам Брагин, шеф убойного отдела в ранге заместителя начальника управления, так ещё их с Гамбуловым уже «пробили»…

– Мы расстались… Э-э… Только что…

– Ладно, найдём. Бегом в управление.

– Он торопился очень, – неожиданно даже для себя сообщил Вася. – Очень странно себя Игорь вёл: обычно мы болтаем по утрам и едем медленно, а сегодня он на себя не похож был… И торопился…

Несколько секунд Брагин обдумывал слова Емельянова, после чего отрубил:

– Насчёт Гамбулова потом расскажешь, не расплескай по дороге. Понял?

– Да…

– Жду.

И, прежде чем полицейский успел сказать что-то ещё, Брагин сбросил вызов.

Василий же остался стоять под моросящим октябрьским дождём вместе с промокшим мобильником и вконец испорченным настроением.

Собственно, весть о смерти подозреваемого в серийных убийствах Смирнова молодого полицейского не особенно тронула. Его заботили связанные с этим обстоятельством неприятности, ведь как тут ни крути, а смерть задержанного – ЧП, за которое в первую очередь прилетит дежурной смене: проморгавшей, недоглядевшей, упустившей из виду. Голубева их босс Шевченко уже наверняка разнёс в пух и перья, и тот теперь ждёт не дождётся подчинённых, дабы лично поделиться с ними «приветами» от начальника управления. Так что визитом к Брагину, который явно не обрадован смертью подозреваемого, дело не ограничится.

«Наша служба и опасна и трудна, блин…»

Устало вздохнув, Емельянов побрёл к ближайшей «зебре», дабы перебраться на ту сторону и сесть в автобус до управления.

И громко чертыхнулся при звуке очередного эсэмэс. И громко выругался, имея в виду не девушку, конечно же, а все сегодняшние обстоятельства.

* * *

Гамбулов остановил машину в паре шагов от оранжевого шлагбаума, постоял с минуту, понял, что его не видят, тихонько выругался, выбрался под холодный октябрьский ветер, добежал до сторожки и постучал в дверь.

– Никифорыч! Никифорыч!

Стучать пришлось долго. Прошло не менее двух минут, прежде чем дверь приоткрылась – ровно настолько, чтобы полицейский увидел правый глаз и половину рта здешнего охранника-пенсионера.

– Чего?

– Утро доброе, Никифорыч.

– Да не очень-то оно и доброе, чессказать, – шмыгнул носом старик. – Льёт порядочно. Неужто и в такую погоду поклёвка есть?

– Да какая там поклёвка! – отмахнулся Игорь. – Я вчера домой приехал уже затемно, глядь – нет удочки счастливой! Вот и решил заехать, поглядеть, может, на бережку оставил?

– Не, ну за счастливой удочкой-то грех не съездить… – согласился сторож. – А я тут подпростыл, кажется…

– Ну так и не высовывайся тогда, – предложил Игорь, вкладывая в руку старика купюру. – Чего лишний раз беспокоиться?

– Подожди, билет пробью, – вздохнул сторож.

– Да мне он без надобности.

– Ну, как знаешь. – Услышав, что билет Игорю не нужен, старик заметно повеселел. – Сейчас открою.

Гамбулов бросился обратно к автомобилю. Дождь всё усиливался, и за несчастные минуты, проведённые у двери сторожки, незадачливый рыболов промок до нитки. Вдобавок в паре футов от машины он поскользнулся, едва не плюхнулся в грязь, но сумел удержать равновесие.

«Проклятый дождь!»

Шлагбаум пополз вверх в тот самый миг, когда Игорь захлопнул дверцу, но пополз до того медленно, что Гамбулов едва не заснул, наблюдая за его

движением через лобовое стекло. Затем миновал «блокпост», махнув рукой сторожу, и направил машину в глубь острова. Несмотря на то что октябрь выдался ветреным, на деревьях ещё виднелась листва, так что остров сейчас был не Зелёным, а Жёлто-Красным.

Впрочем, Игоря природа волновала не слишком: машина в грязи не вязнет, и ладно.

Он остановил машину у зарослей терновника, заглушил мотор и выключил свет. Огляделся, убедился, что случайные прохожие отсутствуют, поблагодарил за это непрекращающийся дождь, со вздохом выбрался под него, ёжась под холодными каплями, обошёл автомобиль, открыл багажник и жёстко посмотрел на лежащего в нём Смирнова.

– Привет.

Живой и здоровый маньяк что-то мычал, не в силах и слова промолвить из-за кляпа, которым Игорь заткнул ему рот. Руки и ноги Филина были надежно стянуты скотчем.

– Приехали, – сообщил Гамбулов пленнику, хотя тот ни о чём его не спрашивал. – Сейчас узнаешь куда.

Он ухватил Смирнова за плечи, заставил сесть в багажнике, а затем ловко, одним уверенным движением, взгромоздил пленника на плечо. Так ловко и споро, словно Андрей если чего и весил, то крохи. И это несмотря на то, что Смирнов был мужчиной весом под двести фунтов, не меньше.

– Ты пока не бойся, – посоветовал Гамбулов, уверенно направляясь к терновнику. – Я тебя не для того тащу, чтобы убивать или пытать. Я поговорить хочу… Бояться ты будешь, если соврёшь… Ясно?

Что означало ответное мычание, Игоря не особенно интересовало: сейчас он говорил больше для себя, чем для пленника.

А тот с изумлением смотрел на приближающиеся ветви терновника. Гамбулов шагнул прямо в куст, показалось, что колючки вот-вот вопьются в их тела, но… В

следующий миг Смирнов удивился ещё больше, поскольку при их приближении кусты разошлись – в буквальном смысле слова! – и они спокойно прошли в образовавшийся коридор.

А когда ветви вновь сомкнулись за спиной Гамбулова, Смирнов замычал особенно громко.

– Знаю, знаю, – рассеянно отозвался Игорь. – Извини, объяснить не смогу, так что просто принимай происходящее как должное.

– М-м-м…

– Согласен – странно, но что делать: жизнь полна сюрпризов.

– М-м-м…

– А ты разговорчивый…

Густые заросли терновника, как выяснилось, окружали средних размеров поляну, в центре которой важно высился старый клён. А справа от клёна виднелась крыша аккуратной землянки.

– Твой новый дом.

– М-м-м…

– Внутри тепло и сухо, – пообещал Гамбулов. – Сейчас увидишь.

Он откинул дверь – она, как выяснилось, не была заперта даже на щеколду, – и внёс Смирнова внутрь.

– Ну, как?

– М-м-м!

На этот раз в мычании слышался неподдельный ужас.

Землянка оказалась довольно большой, не менее двадцати квадратных ярдов, тёплой, как пообещал полицейский, и сухой. В её центре стоял стол, на котором тускло светила керосиновая лампа, а рядом с ним – потёртый венский стул. Вдоль ближней стены валялись сумки и пакеты с продуктами, среди которых преобладали консервы, и пластиковые бутылки с водой. А вдоль дальней… Дальняя стена была аккуратно поделена на три клетки, шириной примерно в пять футов каждая и такой же глубины. В двух сидели грязные, отощавшие мужчины, а третья… Третья была пуста, и именно это обстоятельство вызвало у Смирнова ужас.

– Да, она для тебя, – подтвердил его страшные опасения Гамбулов. – Заслужил.

– М-м-м…

– Коллеги твои, – Игорь мотнул головой в сторону зашевелившихся пленников. – Тоже челов убивали.

Высохшие, бледно-жёлтые «коллеги» явно находились в землянке давно, не меньше нескольких месяцев. И надежды на спасение, если судить по странному поведению кустов терновника, не было никакой.

Гамбулов посадил Смирнова в клетку, аккуратно нацепил на его руки и ноги тонкие, но, видимо, прочные кандалы, затем произнёс:

– Сейчас я вытащу кляп из твоего рта, но ты не ори – бесполезно, только глотку сорвёшь. Поблизости всё равно никого нет, так что ты лучше побереги силы и с мыслями соберись, потому что вопросов я тебе задам много. Понял меня?

Смирнов кивнул.

– Вот и чудненько, – усмехнулся Гамбулов. – Проверим.

Он разрезал скотч, освободив конечности пленника, вытащил кляп изо рта убийцы и поднял брови, всем своим видом показывая, что ожидает воплей. Воплей не последовало. Смирнов зашёлся в кашле, прочищая горло, затем облизал пересохшие губы и поинтересовался:

– Что вам от меня нужно?

– Чтобы ты ответил на вопросы.

– Им вы то же самое говорили? – Смирнов мотнул головой в сторону одного из «коллег». – Они ответили, но всё равно остались здесь?

– Не совсем так… – Гамбулов отошёл от клетки и уселся на стул, заложив ногу на ногу. – Они отвечали, тут ты прав, но я не узнал того, что хотел. И поэтому они пока остались здесь.

– Зачем?

– Вдруг что-нибудь вспомнят?

«Коллега» справа попытался что-то сказать, но у него не получилось: вместо слов Андрей услышал приглушённое бульканье.

– Я умею делать так, чтобы нам не мешали, – заметил Игорь. – После наговоритесь.

Смирнов вспомнил расступившийся терновник и кивнул:

– Понятно.

– На самом деле ничего тебе не понятно, чел, но это не важно. – Гамбулов тяжело посмотрел на пленника. – Почему ты начал убивать?

Смирнов делано удивился:

– С чего вы взяли, что я кого-то убивал? – и получилось это у него донельзя фальшиво.

– Нет, не дошло, – покачал головой Гамбулов, глядя сквозь собеседника. – Что ж, давай иначе.

В следующий миг Андрей вздрогнул и застыл. Взгляд его стал рассеянным, а рот безвольно приоткрылся.

– Так-то лучше, – удовлетворённо произнёс Игорь и повторил: – Почему ты начал убивать?

– Потому что захотелось, – бесстрастно ответил маньяк.

– Когда ты начал убивать?

– Двадцать девятого июня этого года.

– Как звали первую жертву, которую ты убил?

– Жанна Савельева.

– Почему ты её убил?

– Потому что захотелось.

Игорь закатил глаза и терпеливо спросил:

– Ты убил Шульгину?

– Нет.

Гамбулов ненадолго задумался, а потом повторил вопрос. Ответ не изменился, и это было, на взгляд полицейского, довольно странно.

– Ты убил Карпову?

– Нет.

– Иванову?

– Нет.

Ещё одна пауза – длинней предыдущих.

– У тебя есть сообщник?

– Нет.

– Ты всегда убивал один?

– Да.

– Ты убил Иванову?

– Нет.

– Ты убил Карпову?

– Нет.

– Ты убил Шульгину?

– Нет.

Гамбулов снова задумался. Везя сюда Смирнова, он надеялся вызнать что-то действительно полезное, то, что поможет наконец решить загадку, которую он пытался разгадать уже очень давно, но, увы, разговор со Смирновым до боли напоминал беседы с другими маньяками, навсегда «застрявшими» в лесной землянке. Они тоже объясняли своё поведение простым, спонтанно возникшим желанием. И они тоже, как выяснилось, убивали далеко не всех жертв, которых им приписывали. За каждым маньяком получалось от двух до пяти «лишних» трупов. «Выполненных», тем не менее, в точном соответствии с почерком именно этого убийцы.

– Интересно…

Гамбулов окинул пленников бесстрастным взглядом.

Тощего мужичка с копной тёмных волос и характерным шрамом на лбу полицейский изловил раньше прочих. Собственно, сначала Игорь нашёл землянку, которую маньяк оборудовал на Зелёном острове, а потом просто запасся терпением и ждал, пока хозяин вернётся сюда с очередным «экспонатом»: себя темноволосый именовал Коллекционером, поскольку у каждой жертвы брал что-либо на память, и под этой же кличкой был известен полиции. Ожидая его, Гамбулов изучил «музей» маньяка: лоскуты одежды, пуговицы, ногти, пряди волос… И едва сдержался, когда убийца оказался в его руках.

А вот второго маньяка, с волосами посветлей и голубыми, точно у фарфоровой куклы, глазами, Игорь поймал без особого труда: уж больно туп оказался этот самонадеянный верзила по прозвищу Бугай. Казалось, с его внешностью только баб охмурять, но он почему-то решил, что должен убивать именно мужиков… и однажды, несмотря на внушительные габариты, встретил-таки достойный отпор. Как позже выяснил Гамбулов, с Бугаем он опередил полицию на считаные часы – уже на следующий день Брагин обыскивал квартиру убийцы, и с ним могло получиться так же, как со Смирновым…

На этот раз полицейские неприятно удивили Гамбулова, взяв Филина до того, как Игорь напал на его след, поэтому и пришлось принимать экстренные меры. Впрочем, катастрофы не случилось: режим секретности почти не нарушен, а стоимость расследования увеличилась на высококлассную «куклу», которую пришлось подкинуть в камеру изолятора. Но дело того стоило.

Или не стоило?

Потому что проку от Филина не больше, чем от этих «коллег». Снова «Мне захотелось», снова «Этих не убивал». Хозяин землянки, помнится, и вовсе заявил, что неизвестный подражатель «оприходовал его способом» полтора десятка человек. И, что самое интересное, одновременно с тем, как Гамбулов ловил очередного маньяка, с улиц исчезал и дублёр.

«Ты слишком умён, чтобы показываться этим зверям, – подумал Игорь, равнодушно разглядывая Смирнова. – Ты в центре паутины, тварь, и ты наверняка знаешь то, что мне нужно…»

Но как добраться до Подражателя? Нужно думать. Думать и ждать, когда он совершит ошибку. Когда окажется в его руках и… И поможет решить загадку, над которой сам Гамбулов бился уже долгое, очень долгое время…

«Мне нужен Подражатель!»

– Ладно, пока достаточно, – произнёс полицейский, поднимаясь на ноги и одновременно выводя пленника из гипнотического транса. – Знакомься с «коллегами», вам предстоит провести вместе немало времени.

И вышел вон.

Глава 2

Увидеть лебезящего шаса не удавалось никому…

Нет, конечно же, в детских сказках – правда, только в тех, что рассказывались в Ордене и Зелёном Доме, – носатые персонажи, карикатурно срисованные со знаменитых подданных Тёмного Двора, вели себя по-всякому, в том числе – жалко пресмыкались перед гордыми рыжими рыцарями или отважными белокурыми колдуньями, однако в реальной жизни подобные сюжеты отсутствовали. Да и откуда им взяться, если даже с сюзеренами, с грозными навами, хитроумные шасы держались… спокойно, не теряя достоинства ни при каких обстоятельствах, даже, например, когда речь шла о налогах. О невыплаченных налогах, разумеется. Или каких-нибудь иных махинациях, позволяющих повысить благосостояние вассальной семьи за счёт владетельной. Отличающиеся повышенной бережливостью навы весьма нервно относились к попыткам мошенничества, а потому переговоры с жадными подданными князя частенько принимали характер боевых действий финансового толка, с элементами пыток и угрозами массовых казней. Но и будучи припёртыми к стенке, шасы могли рыдать, бить на жалость, изворачиваться, оправдываться, но не лебезить.

Разучились.

Зато носатые блестяще умели производить впечатление, обихаживая нужного им человека, или не-человека, с таким тщанием, что несчастный сам не замечал, как намертво запутывался в ловко раскинутых сетях и чувствовал себя обязанным «помочь» или «войти в положение».

– Ещё коньячку?

– Не откажусь.

– С лимоном?

– Нет, не надо – коньяк у тебя по-настоящему хорош.

– Многие мои друзья отдают предпочтение французскому, из той самой провинции… – Магар Томба, владелец самого известного в Ростове ломбарда, тонко улыбнулся. – А вот я предпочитаю местный… Ну, как местный – от соседей с Кавказа. У меня есть надёжные челы, которые привозят только лучший товар.

– Я заметил.

– Я люблю коньяк, это моя слабость. – Магар улыбнулся. – Маленькая слабость, которая есть у каждого нормального мужчины.

– Без маленьких слабостей наша жизнь – не жизнь.

– Какое интересное замечание.

– Профессиональное.

Шас вздрогнул и едва не расплескал бесценный напиток.

– Хорошая шутка.

– Спасибо. – Терс мягко улыбнулся. – Я знаю.

Сегодняшним гостем Томбы, и объектом его пристального внимания, был хван по имени Терс, четырёхрукий выходец с Алтая.

Профессиональный киллер.

Так же как все представители семьи, хван был вынужден постоянно скрывать под мороком своё истинное обличье, однако действие маскировки распространялось лишь на нижние конечности, и потому окружающие видели настоящее лицо четырёхрукого даже без «различителя» или применения магии: очень резкое, словно высеченное из камня, но не лишённое привлекательности лицо; смугловатое, с заметным восточным налётом, но не чисто азиатское – хвана можно было принять и за филиппинца, и за сицилийца.

В отличие от большинства соплеменников, Терс не отличался ни ростом, ни сложением, его можно было назвать худощавым, но отнюдь не слабым – достаточно было посмотреть, как хван двигается, чтобы понять, что он – опытный боец. Из одежды Терс предпочитал классические деловые костюмы, которые – учитывая особенности физиологии – хванам шили исключительно в Тайном Городе.

– Кстати, я уже говорил, что предоставлю скидку в пятнадцать процентов на весь заказ? – деликатно поинтересовался Магар.

– Ещё не говорил, но я уже благодарен тебе за щедрость.

– Не за что, – махнул рукой шас, всем своим видом давая понять, что деньги в нашей жизни далеко не самое важное, а истинная ценность это, безусловно, дружба.

Ломбард, конечно, приносил доход, и неплохой, однако главным занятием Томбы была торговля магической энергией и артефактами Тайного Города, за которыми и явился четырёхрукий. Магар являлся официальным представителем Торговой Гильдии по югу России, но вёл дела и с Закавказьем, и с большой Новороссией и, по слухам, лет через десять-пятнадцать планировал претендовать на пост одного из директоров Гильдии. Мечтал он о том или нет, точно никто не знал – Томба не любил делиться планами, – пока же он всем говорил, что находится на своём месте, и умело извлекал из этого места максимально возможный доход. Неожиданно щедрое предложение ясно показало, что шас крайне заинтересован

в услугах Терса. Который, в свою очередь, оказался в Ростове случайно, проездом. Но очень вовремя для Магара.

– Хороший коньяк… – протянул хван, разглядывая бокал, в котором ещё оставалось полглотка прекрасного напитка.

– Спасибо, – выдохнул шас.

– Хорошая скидка…

– Рад, что тебе понравилось.

– Что тебе нужно?

Томба поставил свой бокал на столик и улыбнулся со всей возможной приязнью:

– Неужели так заметно?

– Я наблюдательный, – не стал скрывать Терс.

– Это профессиональное?

– Нет, с детства. Алтай – суровое место.

– Медведи?

– Сельское хозяйство: нужно знать, когда будет дождь, когда заняться прополкой… – Хван тоже поставил бокал и закинул верхние руки за голову. – Сельское хозяйство развивает наблюдательность не хуже занятия астрономией.

– Астрономией? – уточнил сбитый с толку Томба.

– Ты хоть представляешь, сколько во Вселенной звёзд?

– К-ха… – Несколько секунд шас смотрел в тёмные глаза хвана, пытаясь отыскать в них тень улыбки, не отыскал, вновь кашлянул: – К-ха… – Начал: – Мне

нужен помощник…

И тут же был перебит четырёхруким. Не грубо, но твёрдо:

– Помощника ты можешь нанять по объявлению.

– Твоего уровня? – Магар хмыкнул. – Кого я могу нанять? И где? В интернете? Там можно отыскать посудомойку, курьера. Настоящие профессионалы объявления не дают – за ними бегают.

– Тебе нужен специалист моего профиля?

– Нет… То есть пока не знаю. – Шас почесал подбородок и без спроса долил в бокалы коньяк. – В первую очередь мне необходим специалист, способный провести умелое и деликатное расследование против жителя Тайного Города.

– Против тебя?

Шас вежливо посмеялся над не очень смешной шуткой и тем окончательно убедил четырёхрукого, что дело важное и срочное.

– О ком идёт речь?

– А ты примешь моё предложение?

Хван открыл было рот, но тут же его захлопнул, помолчал и произнёс:

– Если мы продолжим разговор, я опоздаю на самолёт.

– Я организую ночлег, – тут же произнёс Магар. – И возьму на себя все расходы по замене билета. – Пауза. – Если ты всё-таки соберёшься на самолёт.

Покладистость шаса поражала воображение. Томба уже предлагал на порядок больше, чем должен был, если исходить из его происхождения и положения в обществе, и Терс решил определить границы внезапно проснувшейся щедрости.

– Если я останусь, мне надо будет где-то жить.

– Об этом не беспокойся.

– Побеспокоюсь, – твёрдо произнёс хван. – Три года назад ты поселил Мубу в каком-то курятнике.

– Не совсем.

– Он рассказывал, что в комнате воняло навозом!

– Свинарник… – потупился Томба.

– Что?!

– Рядом оказался свинарник, – выдавил из себя шас. – Случайно.

На хвана он при этом старательно не смотрел.

– В общем, мы должны сразу обговорить, где я буду жить, – произнёс четырёхрукий, выдержав многозначительную паузу.

– У меня есть квартира…

– Покажи фотографии.

– Зачем?

– Муба описал, как выглядел тот гадюшник.

– Свинарник…

– Фотографии покажи.

– Я их дома забыл, – промямлил Магар. – Дома. У себя.

– Если я останусь, то буду жить в отеле, – поведал Терс и жёстко закончил: – Я скажу, в каком.

Несколько томительно долгих секунд в душе Томбы шла суровая схватка между шасом и шасом, закончившаяся безоговорочной победой обстоятельств над естеством прирождённого торговца.

– Ладно, – вздохнул Томба. И дополнительные расходы увлажнили его чёрные глаза печальными слезами. – Это всё?

– Мы ещё не обсудили гонорар, – напомнил Терс, не зная, что ещё можно стребовать с попавшегося на крючок шаса.

– Я помню.

– И скажи, почему ты не обратился к навам?

Тёмный Двор требовал налоги не просто так: взамен подданные князя обретали лучшую защиту, которую можно было получить на Земле. О могуществе навов слагали легенды, их умение решать проблемы вызывало зависть у всех Великих Домов, и в первую очередь Магар должен был обратиться к сюзеренам.

Но…

– В силу определённых обстоятельств я считаю привлечение Тёмного Двора преждевременным, – уклончиво ответил Томба.

В переводе с хитроумного это означало:

– Ты надеешься сорвать огромный куш, устроив аукцион Великих Домов, – прищурился Терс. – Но дело кажется тебе опасным. – Магар промолчал. – Что ты ищешь?

– Так ты принимаешь моё предложение или нет?

Прямой вопрос требовал по возможности прямого ответа.

– Приму или нет – будет зависеть от самого предложения и от гонорара, размер которого я назову, узнав подробности дела. – На этих словах шас уныло кивнул, показывая, что не ожидал ничего иного. – Но я клянусь, что всё, услышанное от тебя, останется тайной и я буду нести полную ответственность перед тобой за её раскрытие, – твёрдо закончил хван.

– Что ставишь?

– Моё сердце.

В комнате возник короткий всплеск магической энергии, которая скрепила созданное заклятие обещания настолько прочно, что его не смогли бы разорвать даже лучшие маги Великих Домов, и Томба кивнул:

– Договорились.

– О чём идёт речь?

Повеселевший шас – все знали, что хваны редко отказываются от контракта, узнав условия, – откинулся на спинку кресла и неспешно начал:

– Я живу в Ростове уже пятьдесят лет. С перерывами, конечно, но так получилось, что большая часть моих деловых интересов и вся жизнь связаны с этим городом. И жизнь моей семьи. Мы в Ростове с XIX века, да… – Магар повертел в руке бокал. – Я привык говорить, что это мой город, но с недавнего времени, сразу после Великой Отечественной войны… – Пауза. – Слышал о такой?

Хван молча кивнул.

– Так вот, сразу после Великой войны к Ростову стали проявлять интерес представители одной достаточно известной рыцарской семьи.

– О ком речь?

– Веберы. Ложа Мечей.

– Знаю, – кивнул Терс. – Что им тут понадобилось?

– Это тебе и предстоит выяснить, – тихонько рассмеялся Магар. – Первоначально я думал, что они проводят длительную разведку, планируя экспансию в интересах Ордена, и не лез, поскольку стараюсь держаться подальше от интриг Великих Домов. Мы общались, но и только… – Снова короткий смешок. – Я знал старого Йоргена, который и принялся сюда наведываться после войны. Знал Валентина, который продолжил работу папаши…

– Валентин вроде погиб, – прищурился Терс, припоминая, что слышал об этой семье. – Он поддержал Франца де Гира и остался в Бастионе Лучников.

– Верно, – подтвердил шас. – И поэтому сейчас мой город периодически навещает Виктор Вебер. Внук Йоргена.

– Общаетесь?

– Да.

– Но он ничего тебе не рассказывает…

– Виктор молод, но столь же скрытен, как его отец и дед, – притворно вздохнул торговец.

– Ты его боишься? – прямо спросил хван.

– Не в этом дело… – Томба вновь выдержал паузу. – Несмотря на все усилия… А за эти годы я приложил их немало…

– Догадываюсь.

– Ага. – Магар помолчал. – Так вот. Несмотря на все усилия, я до сих пор не знаю, что Веберы ищут в моём городе. Но пару недель назад ко мне заходил Виктор, и я случайно – совершенно случайно! – увидел в кармане его куртки вот это.

Томба протянул хвану телефон, и тот несколько секунд внимательно изучал снимок. После чего, не выдержав, язвительно заметил:

– Случайно увидел, говоришь?

– Случайно, – кротко подтвердил шас. Но в его глазах появились весёлые огоньки. – Я ведь не заставлял его идти в туалет, оставив куртку на вешалке. А вот фотографию я сделал намеренно, это да. Чтобы потом не тратить время на объяснения того, что видел.

– Предусмотрительно, – кивнул четырёхрукий, вновь уставившись на изображение кованого ножа с костяной рукояткой, на которой был изображён танцующий журавль.

– Молодой чуд разгуливает по моему городу с древним ритуальным ножом Зелёного Дома в кармане. – Магар прищурился. – Согласись, интересно?

* * *

Это произошло как-то… не вовремя. Да, именно так – не вовремя. А обиднее всего то, что насильник и убийца умер тихо, подобно ветхому старцу – во сне. Разве он заслужил такую лёгкую смерть?

«Где в таком случае справедливость? – с грустью подумал Брагин, рассеянно постукивая пальцами по столешнице. – В чём она? Только в том, что Смирнов умер?»

– Фёдор Семёнович, разрешите? – осведомился заглянувший в кабинет Литвинов. Увидел рассеянный взгляд подполковника и не удержался: – С вами всё в порядке?

– Смылся, скотина, – горько усмехнулся Брагин. – Сбежал.

– Это вы о Смирнове? – уточнил Борис, зачем-то с опаской покосившись на дверь.

– А о ком ещё? – поморщился подполковник. – Избежал заслуженного наказания, сволочь… Лёгкая, безболезненная смерть… Эх…

Брагин искренне считал, что преступники, особенно такие звери, как этот Смирнов, должны в обязательном порядке «понюхать» каторги, взвыть там от страха и тоски, взвыть в ужасе и начать активно призывать смерть, которая не станет торопиться.

Таким должно быть наказание, а не прямой билет на тот свет.

Борис Литвинов разделял мнение начальника, однако сейчас счёл нужным заметить:

– У него разрыв сердца приключился, Фёдор Семёнович. Так совпало.

– Да не имеет значения, совпало или нет. Важно, что он сейчас там. – Брагин указал вниз. – Горит себе в аду и в ус не дует. А нам с тобой его сообщника искать и разбираться, кого убил сам Смирнов, а кого – его подельник… Впрочем, и не такие дела распутывали, верно, Борь?

– Да, Фёдор Семёнович, – отозвался капитан.

С каждым годом работать вместе с подполковником становилось тяжелей – чем дальше, тем больше он нервничал, срывался из-за мелочей, хотя в нужный момент всё ещё мог взять себя в руки. Борис искренне верил, но не рисковал говорить об этом вслух, что Брагину нужна работа поспокойней, иначе к пенсии он рискует сойти с ума.

– Охранники-раззявы подъехали?

– Один, – доложил Борис. – Емельянов в коридоре ждёт. Позвать?

– Зови.

Борис кивнул, вышел в коридор и через пару секунд в приоткрытую дверь осторожно заглянул совсем молоденький полицейский:

– Разрешите, Фёдор Семёнович?

Тот самый, который вчера, во время инструктажа, то и дело заглядывал в свой мобильник.

«Раззява!»

– Заходи, садись.

Емельянов робко, едва ли не бочком, протиснулся в кабинет, подошёл к столу и уселся на указанное место. В правой руке он держал сложенный пополам лист бумаги, который, усевшись, положил перед собой.

– Это рапорт?

– Так точно. – Емельянов сглотнул. – Мой начальник… Голубев… Распорядился… Приказал написать…

– Давай сюда!

– Но…

– Отдам!

– Слушаюсь.

Несчастный Василий привстал, протягивая Брагину лист, а затем буквально плюхнулся обратно, так, словно ноги его не держали. Похоже, отдавая приказ писать рапорт, начальник Емельянова – капитан Голубев – не удержался от пары-тройки «вставок».

Брагин пробежал глазами текст и вновь перевёл взгляд на охранника.

– Арестованный обращался с жалобами на плохое самочувствие?

– Никак нет.

– Да, я-то в курсе, ты сказал по телефону. Почему в рапорте не отразил?

– Извините…

«Раззява!»

– Передо мной зачем извиняться? – поморщился подполковник. – Это твоё дело, Емельянов, я просто подсказываю, как его нужно делать. Укажи, что арестованный ни на что не жаловался, иначе нюхачи вцепятся и напридумывают всякого…

– Понял, спасибо… – Емельянов вытер пот со лба. – А-а… Нас ведь… нас с Игорем ни в чём не обвиняют?

– Пока нет… – Брагин приподнял бровь. – Хочешь ещё о чём-то доложить?

Он помнил, что Емельянов рассказывал по телефону о странном поведении напарника, но пока относился к той оговорке без особенного интереса. Люди по-разному реагируют, оказавшись в стрессовой ситуации: кто-то замыкается в себе, кто-то паникует, кто-то развивает суетливую деятельность, а кто-то сдаёт напарников, надеясь вырваться из трясины, опираясь на их головы. Всё, что скажет Емельянов, может оказаться правдой, а может – плодом его воображения, помноженного на желание утопить приятеля, чтобы выйти сухим из воды, поэтому Брагин пока сохранял полнейшее равнодушие.

– Говори.

Василий заёрзал на стуле.

– Не стесняйся, Емельянов.

– Да нет, ну я просто… не могу поверить, что Смирнов только-только в камере сидел, а тут уже… всё, каюк… – промямлил бедняга.

– Не можешь поверить, могу организовать тебе пропуск в морг, – поморщился Брагин. – Посмотришь на него во всей красе…

– Не надо.

– Тогда заканчивай ходить вокруг да около, Емельянов, – чуть жёстче велел подполковник. – О чём ты хотел сказать?

– По телефону?

– Что Гамбулов вёл себя странно?

– Да.

– Я помню. – Мало ли куда человек торопился после службы? Повод для подозрений есть, но слабый, поэтому Брагин продолжил наседать: – Дальше!

– Что дальше?

– Кроме того, что Гамбулов слишком торопился сегодня, что ещё можешь о нём сказать?

– Ну… – Василий снова сглотнул. – Я потом подумал, что вообще не знаю, что происходило в туалете.

Брагин молча взялся за рапорт и отыскал нужное место – это обстоятельство Емельянов упомянуть не забыл. Перечитал внимательно. Прищурился. Предложил:

– Продолжай.

– Может, он, Смирнов то есть, ляпнул Игорьку что-то обидное, а тот и…

– Что «и»?

– Ну, того… – Василий облизнул губы. – Побил…

– Гамбулов так сказал? – тихо спросил подполковник.

– Нет, – мотнул головой Емельянов. И тут же добавил, не удержался: – А надо, чтобы сказал?

«Надо было, чтобы он избил до полусмерти тебя, – угрюмо подумал Брагин. – И выбросил где-нибудь на помойке…»

Однако вслух он произнёс иное:

– Придумывать ничего не надо.

И Василий молниеносно сориентировался:

– Нет-нет, ничего такого Игорёк не говорил! Я просто… предполагаю…

И глаза выкатил, демонстрируя предельное рвение.

– Бери рапорт и марш к Голубеву! – велел Брагин.

– Есть.

– Исполняй.

Брагин откинулся на спинку и устало вздохнул.

«Неужели действительно сердце? Так совпало, как сказал Литвинов… Неужели?»

В прошлом году от него непостижимым образом ускользнул Бугай – исчез, вырвавшись из кольца окружения, и, видимо, залёг где-то на дно. Как это случилось, Брагин не понимал до сих пор и потому к поимке Филина подошёл предельно внимательно. Расследование провёл блестяще, лично уговорил Шевченко на сложную операцию по внедрению Леры Сулиной в фирму, где работал подозреваемый, месяц «пас» его, взял практически с поличным… И вот, когда казалось, что маньяку уже не вырваться, он берёт и помирает.

Скоропостижная смерть Филина заметно усложняла дело. И полбеды, что чистосердечного от него уже не добьёшься; куда хуже, что имеющиеся улики доказывают его причастность лишь к пяти из восьми убийств, а информацию о подельнике Смирнов унёс в могилу. И как теперь искать того, о существовании

которого никто не подозревал, Брагин не знал.

«Ладно, – вздохнул он, открывая папку с делом Филина. – Для начала надо довести до конца то, что можно, а потом уже двигаться дальше. Глядишь, мамаша и бывшая жена чего расскажут… О сомнительных друзьях-приятелях, например…»

* * *

Николай Петрович Корнюшин, официально практикующий маг Тайного Города (лицензия Зелёного Дома № 4598452 – 085 – 32490845843958, сертификат постоянно действующей Временной комиссии Великих Домов по регламентированию магической деятельности на/вне удалении от Тайного Города № 28546 – 78295068092345678534 – 908) и одновременно – знаменитый ростовский экстрасенс в седьмом поколении, не любил принимать важных гостей в рабочем кабинете. В тех двух комнатах, которые он снимал в солидном бизнес-центре и куда давным-давно протоптали дорожку старые девы, не потерявшие надежду овладеть зазевавшимся принцем, опечаленные мужья, жаждущие познать правду о причинах появления на лысых и лысеющих головах костных новообразований; «деловые» обоих полов, интересующиеся завтрашним курсом акций и перспективами заведённых против них уголовных дел; и прочие страждущие, у которых возникала крайняя нужда в услугах колдуна «с репутацией». Репутацию Николай Петрович нарабатывал годами, а точнее – поколениями, поскольку семья его была коренной, ростовской, и отец с дедом тоже оставили свой след на магической карте города. Репутацией Николай Петрович дорожил, однако клиентов своих немножко стеснялся и поэтому привычно предложил молодому чуду Виктору Веберу заглянуть не в офис, а к нему домой. Чуд привычно согласился и прибыл точно в назначенный срок.

– Виктор! Добрый день!

– Николай. – Вебер уверенно прошёл в прихожую и принялся стаскивать с широких плеч короткую кожаную куртку. – Как дела?

– Вашими молитвами.

– Я не верю в ваших богов.

– Он у нас один.

– Как скажете…

На фоне тщедушного и слишком поджарого Корнюшина Виктор Вебер выглядел гигантом: шесть футов и четыре дюйма рост, широченные плечи, длинные, мускулистые руки – казалось, он может без труда взять экстрасенса за туловище и поставить на стол, как статуэтку. Рыжие волосы Вебер стриг очень коротко, а лицо брил, не скрывая и не стесняясь гладкой юношеской кожи, которая отчётливо указывала на возраст Виктора – чуть более двадцати лет.

Кстати, тщедушный Корнюшин свои годы – а ему было за пятьдесят – тоже не прятал и в какой-то мере даже бравировал возрастом, связывая длинные седые волосы в хвост, что вкупе с почти белой бородой делало его похожим на профессора, юность которого прошла под знаменем хиппи.

– Чаю, Виктор?

– Не отказался бы.

– Лимон?

– Всенепременно.

Корнюшин скрылся в кухне, а Виктор прошёл в гостиную, в которой царил знакомый по предыдущим визитам творческий беспорядок: на диване скомканный плед, у дивана – синяя кружка с остатками кофе, на телевизоре – две пустые тарелки, одна в другой, на подоконнике – огромный чёрный кот, который даже глаз не приоткрыл при появлении гостя. Дальнюю стену украшало пыльное чучело ворона – висело прямо над телевизором, а на круглом столике в углу лежали колода Таро в потрёпанном футляре, надорванная упаковка чёрных свечей производства мастерской Амри Кумара (№ 5438 в каталоге «Приспособления простейшие, минимальной магической интенсивности») и помутневший хрустальный шар, рядом с которым чуд заприметил отвёртку, шило и распылитель с «Настоем для магической оптики». Видимо, шар поломался, и Корнюшин пытался самостоятельно вернуть его к жизни.

– Только закипел, – сообщил чел, вкатывая в комнату сервировочный столик, на котором блестели позолотой заварной чайничек, сахарница и две чашки.

Виктор уселся на диван, подвинув плед в сторону, а хозяин устроился напротив, в кресле.

– Прошу, угощайтесь.

– Спасибо.

Чуд дождался, пока Корнюшин нальёт ему чаю, и потянулся за сахаром.

– Не терпится узнать, удалось ли вам перехватить Филина? – произнёс Николай Петрович, наполняя свою чашку. Было видно, что его терзает любопытство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/panov_oleg/zhazhda

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити